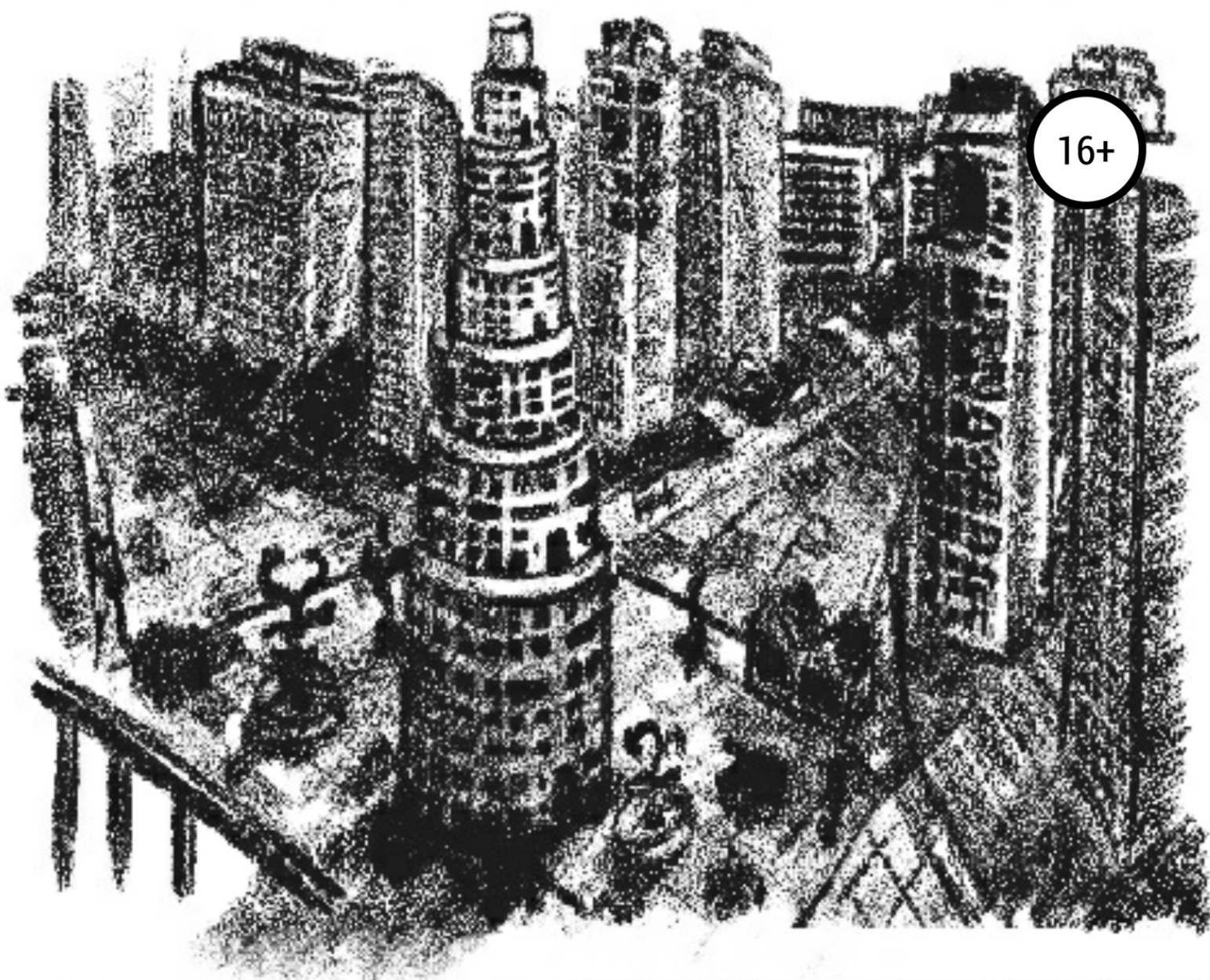

Александр Палкин

16+

Оазис

Александр Палкин

Оазис

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Палкин А.

Оазис / А. Палкин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Элино́р — сестра Ордена Филомены. Рамон — простой мастер-наладчик. Оба пожинают плоды ошибок юности, проклиная людей и обстоятельства. Они встречаются в необъятном Гранд-Леонарде, чтобы найти друг в друге утешение, а затем вместе отправиться в Оазис, сокрытый от горечи прошлого и тревог о будущем...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

– Что ж ты, такая красивая, и все не замужем? Дело-то хорошее. Я тридцать лет со своим Феодором прожила. Как нам было хорошо... – свесив ноги с кровати, старуха с горькой ностальгией уставилась в окно.

Элино́р устало потерла лоб. Ей хотелось смотреть куда угодно (даже на пожелтевшую оконную раму), только не на пациентку. Совсем у той голова отказала: пять или шесть раз было ей сказано, что замужем. Замужем! Но что теперь ждать от потерянных, забытых?

Она дала ей еще полминуты на разглагольствования о женском счастье, а потом подошла и, нацепив рабочую улыбку, погладила по плечу:

– Варвара, вам пора на водные процедуры. Давайте поднимемся, пожалуйста.

Та подняла на сестру-филомену растерянные серые глаза: очевидно, не услышала. Ничего нового. Люди с возрастом так погружаются в воспоминания, что вернуться в дряхлую реальность им все труднее и труднее. Кому-то не хочется, а другому не может быть в силу сдающего позиции рассудка. За годы работы в приюте Элино́р чего только не насмотрелась.

– Что, деточка? Я же кушала недавно, не хочу более.

– Мыться, вам надо мыться, – она стала поднимать бабку, стараясь не терять терпения и оставаться приветливо-тактичной.

– А, мыться. Да, наверно, можно, – закричав, пациентка медленно встала на ноги, и до ноздрей молодой женщины долетел запах гнилых зубов и чего-то еще, очень неприятного, так что даже передернуло.

– Вот так, вот так, – обнимая Варвару одной рукой, а другой придерживая ее неистово трясущееся запястье, филомена медленно повела ее в купальную комнату.

Боже, только утром ее мыли, откуда этот прокисший запах от редких, до единого седых волос и от шеи? Старость не просто печальна – она отвратительна. Не только приближением смерти и тоской по ушедшему, но и всеми сопутствующими бытовыми реалиями. Болью, вонью, бессилием. Деграцией по всем направлениям. И полувековым грузом воспоминаний. Разве они их грели? Не похоже. Просто дразнили, как исчезающий за поворотом хвост поезда, на который куплен билет, но нет уже в ногах силы, чтобы догнать и запрыгнуть.

Покончив с давно опостылевшим делом, Элино́р вернула постоялицу в дормиторий¹, уложила, накрыла одеялом, несмотря на полубредовые возражения. И почувствовала кратковременное облегчение: ее ждали тридцать минут обеда вдаль от стариков.

Коллеги Люсьена и Лидия еще не подошли, зато за круглым столом в маленькой кухне-кантине уплетала суп из термоса Мария. Элино́р устроилась рядом, достав бутерброды и налив себе чай.

– Как сегодня мадам Аркей? – спросила Мария, шумно прихлебывая.

– Все вздыхает у окна, руки трясутся еще сильнее. Ноги слабые стали, – произнеся это, она не почувствовала ничего, кроме равнодушия. Профессиональная пустота, усталость внутри давно вытеснили идеалистические образы и свели на нет порывы сострадания.

– Ой, что делать, что делать... Я ее проведаю к вечеру ближе. Она любит со мной болтать. Столько всего порасскажет интересного о прошлых временах, что я аж молодость сама вспоминаю, – Мария тепло улыбнулась и взглянула на Элино́р как будто в ожидании аналогичной улыбки и понимания, но женщина опустила глаза и стала разворачивать обертку бутерброда. Ни к чему тратить последние силы на искусственный эмоциональный отклик. Мало того, что она давно уже не чувствовала удовлетворения от своей работы, так еще и разница поколений делала свое дело: Марии возиться с постояльцами куда интереснее и понять их легче, ведь она ненамного моложе...

В комнату, скривившись в отвращении, вошла Лидия.

¹ Дормиторий – здесь: палата; комната в пансионе либо спальня в апартаментах, частной резиденции.

– Обоссался, третий раз за день! Зачем я меняла ему трусы два часа назад?

Мария обернулась:

– Чего ты? Кто дел наделал на этот раз?

– Новый дед, Лукаш. Характер тот еще. Встать не в состоянии, зато высокомерный, будто что-то из себя представляет! – она подошла к раковине и повернула кран, все еще морщась и хмурясь.

– Руки моем в коридорном санблоке после пациентов! – поспешно напомнила коллеге Элинор.

– Да помыла я их, помыла. Это еще раз, на всякий случай, – Лидия с остервенением терла мылом ладонь и каждый палец около минуты – быть может, кому-то другому это показалось бы странным. А Элинор понимала. Ей самой хотелось иной раз также тщательно вымыть руки, но коллеги часто оказывались рядом, а при них было неловко показывать брезгливость. Мария, проработавшая в приюте женского благотворительного ордена «Филомена» двадцать лет с невероятной отдачей и неисчерпаемым состраданием, точно бы неодобрительно покачала головой. Настоящая Сестра не могла постоянно брезговать, раздражаться, быть глухой к просьбам и слепой к нуждам своих подопечных. Иначе выводы вышестоящих о некомпетентности такого работника напросились бы сами собой. Кроме того, у Элинор имелась веская причина, чтобы Мария была к ней настроена по-прежнему дружелюбно, по-матерински. И, наконец, если руки вымыть не трудно, то память очистить от всех жалких образов, вокруг которых протекали ее будни, не представлялось возможным.

– Ты что же, не знала, куда ты идешь работать? – спросила со спокойным, но твердым укором Мария, вернувшись к поеданию супа.

– Знала, знала. Но все же есть предел, – Лидия все еще хмурилась, вытирая руки о белоснежное вафельное полотенце. – Ему операция какая-то нужна, или еще чего, а то он так и будет....

– Его не вылечить, к сожалению. Врачи повесили его на нас, чтобы остаток жизни облегчать муки, – вздохнув, напомнила Элинор.

Мария, стойчески улыбнулась, затем снова обратилась к Лидии:

– Легкой работы в Ордене никогда не было и не будет, моя хорошая. Если чувствуешь, что не выдержишь, то лучше уходи. Не порти жизнь ни этим бедным людям, ни себе.

«Если чувствуешь, что не выдержишь, то лучше уходи».

Элинор будто током ударило. Да, конечно, эти слова были адресованы Лидии, но они почти полностью соответствовали тому, что твердила она сама себе последние месяцы.

– Настоящие филомены работают от души. Если нет души в том, что ты делаешь, то ты не филомена, – изрекла, наконец, Мария, завинчивая крышку пустого термоса.

Настоящие, вот именно! Уж она знала, о чем говорила. Правда, таких работниц, как эта немолодая женщина, было немного даже среди рядовых сестер. А уж что говорили про верхушку... Лучше бы Элинор вообще никогда не слышала всех этих слухов, не читала расследований журналистов и оставалась той юной дурочкой с большими глазами, готовой кинуться на помощь каждому, кого сюда привозили, верившей во все, что было в уставе ордена. Интересно, сколько раз те, кто его составлял, нюхали дерьмо и мочу у постели немощной старухи? Пробовали ли они перевернуть шестидесятикилограммового старика, чтобы спасти его сморщенное, синюшное тельце от пролежней? А случалось ли им заходить в дормиторий, обнаруживать, что...

– Рафаил – все, – Раиса, вторая по старшинству и по возрасту сестра после Марии, заглянула так тихо, что Элинор вздрогнула при звуках ее острого как бритва голоса. – Врач зафиксировал только что. – Сказав это, она исчезла внезапно и бесшумно – уже в который раз. Словно призрак, Раиса возникала из ниоткуда, чтобы сообщить дурные вести. И надо же ей было пер-

вой оказываться возле тех, кто только испустил дух! Ведь там все, в какой дормиторий ни зайди, стояли одной ногой в могиле и в любой момент могли...

Мария шумно, неловко отодвинула стул и поспешила следом, надевая на ходу очки; вовлеченность в работу вновь покрыла ее лицо вуалью морщин.

– Лучше бы ссыкун..., – послышалось Элинор, и она не удержалась от того, чтобы украдкой взглянуть на Лидию. Но, вполне возможно, в суматохе и шуме последнее слово породило ее воображение.

– Она себя не уважает, – буркнула Лидия спустя минуту, наливая воды.

– Кто? – Элинор рассеянноковыряла вилкой остатки обеда и не сразу поняла, о ком речь. Ум осаждали смрадные тяготы дежурства. Через десять минут предстояло окунуться в них целиком.

– Мария, кто же еще. Как можно полжизни убить на вот это убожество? Она же прекрасно знает, что для крупного начальства приюты Ордена давно стали антерпризой². Благотворители заваливают руководство деньгами, а сестрам предлагается вкалывать за благодарность от общества и монетки на хлеб. Но нет! Она знает и продолжает убиваться за свои гроши, да еще и нас гоняет, стыдит!

– Все всё знают. Но надо же кому-то честно работать. Вот если тяжело заболит твоя мать, а у тебя не будет средств ее лечить и содержать в должных условиях, то ты же ее только сюда и сможешь привезти, разве нет? Никому она больше не нужна будет, только Марии.

Лидия поморщилась, но не нашлась, что возразить. Элинор же снова попыталась заткнуть чувство стыда, подававшее внутри нее голос. Мария – молодец, а она не такая. Мария решила положить себя всю на алтарь безвозмездного служения самым жалким, беспомощным среди живущих. А ей десяти лет хватило с лихвой, чтобы понять, что она имела право на счастье и покой. И глупее всего было продолжать искать его в местах, подобных этому. Кто-то может жить вот так, а кто-то – нет. Поэтому что ей остается? Возложить на Марию то, от чего ей просто жизненно необходимо было избавиться... Марии не привыкать, а Элинор хотела пожить, вкусить плоды драгоценных лет, когда еще ходят ноги, и в порядке голова. Пока красота не слетела пеплом прошлого с лица и тела, оставив взамен себя уродливые борозды, пятна и дряблую кожу. Хотелось любить – по-настоящему, а не из жалости. И одного, а не всех, кого велели.

Рамон сжал в карманах кулаки и отвернулся к стеллажу, делая вид, что читает ярлыки: он боялся, что потеряет самообладание, что злость и обида исказят лицо. Кристоф, стряхивая пепел и снова затягиваясь, продолжал вздыхать, охать и прикрывать глаза, опасаясь, что иначе подчиненный не прочувствует, каким тяжким бременем лежит он на плечах руководства.

– В этом и заключается твоя главная проблема. Потому-то ты все еще простой мастер-наладчик.

– Почему? – тускло спросил Рамон, будто оцепенев и не находя сил повернуться. Он снова почувствовал слабость с налетом апатии.

– Потому что для роста надо самому принимать решения. Все ждешь и ждешь, пока тебе дадут указания: что взять, куда отвезти, во сколько, что сказать клиенту. Сам, сам уже мог бы проявить инициативу! Ты же хорошо знаешь аппаратуру. Там столько возможностей. Одну услугу предложил людям, вторую... Вон, глянь на Шантье. Три с половиной тысячи альберов вытянул за одни только дополнительные услуги на выездах. За неделю!

² Антерприза – коммерческая организация, компания с правом ведения деятельности на территории Империи (преимущественно, в метрополии).

Вспышка едкой злобы все-таки заставила Рамона повернуться, и он почувствовал, как дрогнул голос:

– Я же прекрасно работаю! Клиенты присылают хорошие отзывы. А спустя время опять покупают у нас... Я помогаю поддерживать имидж.

– Имидж – это превосходно, да, – Кристоф снова вздохнул. – Но твоя эффективность измеряется количеством денег, которые ты приносишь. Вы с Шантье оба выезжаете за день в шесть-семь мест для доставки и установки одного и того же. Только он привозит вечером в бюро полторы тысячи альберов, а ты – семьсот, и это в лучшем случае.

– Я же доставщик и наладчик, а не продавец! – пробормотал Рамон, не зная, куда деть влажные от волнения руки.

Кристоф многозначительно направил указательный палец ему в грудь с улыбкой типа «об этом-то я и толкую».

– Вот видишь, ты сам признаешь, что просто мастер и ни к чему другому не стремишься. Так на что жаловаться? Ты не продавец. Вот Шантье – продавец, и ему дорога в бюро продаж на соответствующие должности.

– Именно! – Рамон ухватился за эту мысль, почувствовав прилив вдохновения и силы, чтобы возразить. – Вот именно, что в продажах занимаются продажами, а в техбюро – технической стороной. Продавать – это ваша работа, а не наша! Твоя работа! Я не могу и не буду ее за тебя делать.

– Я свою работу знаю! – Голос Кристофа сразу огрубел, потеряв самодовольно-жирный окрас; глаза же он выпучил так, как будто никто никогда его не задевал так сильно за живое. Но дальнейшие попытки Рамона защититься старший специалист отдела продаж успел пресечь, сменив вальяжные речи на быстрое, раздраженное тарыхтение:

– Уперся, как баран, развиваться не хочешь, так чего жаловаться взял моду? Решения надо учиться принимать. А иначе можно и до старости одно и то же делать. Поэтому давай не будем тут мне про мою работу и твою. Я знаю, кто что должен делать. Все должны делать всё для развития нашей антерпризы. Вон, у Шантье спроси, как работать надо, он тебе расскажет. Вот уж кто продает, так продает! – Кристоф взял паузу – видимо, чтобы набрать в легкие воздуха и заодно с силой задвинуть нижний ящик стола.

– Да и пусть продает. А я давно заслужил старшего мастера, мне кажется.

– Кажется ему! Какие ко мне-то вопросы? К Игорю с этим иди, за ним последнее слово.

– Но Игорь сказал, что ему твое мнение важно, – раздосадовано буркнул Рамон. – Ты мог бы...

Кристоф отмахнулся, начав разбирать кипу свежих бумаг:

– Я ему все сказал, что думаю, вот пусть и чешется теперь. Все, отправляйся! Или ты что, ногами к полу приклеился?

Рамон вышел из бюро продаж, ощущая слабость. Даже хлопнуть дверью как следует не решился. Дело шло к вечеру, опять начинала болеть голова – ладно бы занимали ее лишь рабочие вопросы! Но ведь за ними стояла гораздо более глубокая проблема, преследовавшая его много лет.

Можно было сколько угодно менять место работы, уходить от одних людей и знакомиться с другими, но итог всегда один: прозябание в посредственности, бессилии и одиночестве. Одиночестве! И это в Гранд-Леонарде: метрополии, что была пустыней с сорока миллионами людей, которые являлись ее безликими песчинками. Ничтожные поодиночке, все вместе они сбивались в бесформенные барханы, окружая, нависая, не давая Рамону заглянуть за удручающе пустой горизонт, продвигаться. И он постепенно увязал в перипетиях социальной жизни, вяло барахтаясь, мучаясь от жажды...

– Все мы живем, как хотим, – спокойно изрек Михаил, облокотившись о барную стойку. С этим пожилым завсегдатаем дистракционной³ Рамон познакомился здесь же, и, хотя это было уже довольно давно, до сих пор о нем толком ничего не знал. Не очень-то хотелось. Его ценность заключалась в другом: он был посторонним, незаинтересованным лицом, отчего Рамон общался с ним куда охотнее, чем с коллегами или женой и ее назойливыми родственниками. С Михаилом он чувствовал себя в безопасности, мог выговориться, мог быть собой, пусть даже и таким бессильным, вымотанным одиссеей по сыпучим волнам.

– Я – нет.

– Ну, знаешь ли, кто не хочет жить так, как живет, тот берет и что-то делает, чтобы произошли изменения в лучшую сторону. А если продолжаешь жить так же, значит, тебя устраивает.

– Я знаю, – Рамон вяло улыбнулся и взял протянутый барменом бокал. – Но не то что бы я ничего не делал. Я хорошо работал, а награды за это все не было и не было... Меня никто не оценил. И я... смирился. Я – слабый человек и этого не отрицаю.

Михаил посмотрел сочувственно, поглаживая седую бороду, но ничего на это признание не сказал.

– Мне понравилась мысль, которую я прочел в одной книге. Она такая простая и очевидная, но почему-то не приходила мне в голову... Кажется, за авторством Карлоса Гудмана.

– Что же за мысль? – поинтересовался Михаил, и Рамон почувствовал новый прилив благодарности внимательному и чуткому собеседнику. Неужели ему, и правда, все это интересно?

– Что-то вроде: «если делать постоянно одно и то же, то и результат будет один и тот же». Я-то думал прежде, что если долго заниматься одним делом, стараться, любить его, то будешь постепенно копить опыт, расти и развиваться. Но в моем случае это не сработало.

– И почему так вышло, как ты думаешь?

Прежде чем ответить, Рамон взял паузу, прислушиваясь к собственным ощущениям, мыслям, порожденным воспоминаниями и их периодически повторявшимся анализом.

– Я люблю работу. Но людей, с которыми на ней приходится иметь дело, я терпеть не могу. Я устал от людей. Они мне мешали и продолжают мешать жить так, как я хочу.

Чуть наклонив голову в сторону собеседника, Михаил вдохнул, как будто собирался возразить, но передумал. От Рамона этот порыв не ускользнул. Он догадывался, что мог услышать. Жена непременно прошипела бы: «Ты сам – ничтожество, но считаешь, что все кругом виноваты в твоих бедах. А ты просто не пытаешься понять людей и найти с ними общий язык!».

Какая дура. У нее случался приступ раздутого самомнения, стоило ей прочитать какую-нибудь новомодную книжку по психологии, адаптированную для туповатых дамочек. Она сводила всё к банальным, поверхностным тезисам, при этом даже их не понимая по-настоящему. В действительности же все было так сложно, так неоднозначно, что Рамон постоянно в великих муках пытался сопоставить ответы и вопросы, которые сформулировал за все годы взрослой жизни. И почему жизнь настолько сложна, что ее не хватает даже на понимание самого себя? Про других-то говорить вообще не приходится.

– Но ничего. Даже для таких олухов, как я, годы не проходят бесследно. Я сделал выводы. Грядут перемены, – Рамон с искрой воодушевления принялся за любимую яичницу с томатами, которую поставила перед ним официантка. Он, правда, так думал. Совсем скоро. И это было особенно приятно, учитывая, сколько времени велась подготовка.

– Я рад, если так. Ты неплохой парень, мне кажется. Давай за то, чтобы все получилось, – Михаил поднял бокал.

³ Дистракционная – гибридное развлекательное заведение эконо-класса. Обычно занимает два-три уровня здания: бар или кантина (столовая) – на первом, синематека или игровой клуб – на втором, мини-гостиница или бордель – на третьем.

Вечер был не самый приятный в плане погоды. Да и дома, куда ему все же придется вернуться на ночь, душевного отдыха не видать. Но это потом. Прежде Рамона ждали спасительные ритуалы: обустройство нового места и встреча с той, которая его понимала, ценила и нуждалась в нем, как в опоре.

В той части сектора⁴, где пролегал путь Рамона к «месту», машин было совсем мало. И ехать неспеша по вечерним улицам было особенно приятно. Мотор старой «Клементины» лениво бурчал, выдавая желаемые в данный момент сорок километров в час, и его звук ласкал ухо, заодно перекрывая голоса, шорох одежды и шарканье обуви всех тех, кто расплывчатыми пятнами на ленте тротуара пронесился мимо. Как хорошо находиться не среди них, а ехать и на каждом светофоре успевать кинуть взгляд на знакомые пейзажи слева и справа. Рамон заглядывал в окна тех домов, какие ему особенно были симпатичны по внешнему или географическому признаку. Его интересовало, каково это – жить в тридцать четвертом квартале, в уютном голубом доме, на седьмом уровне, чтобы балкон выходил на канал и прилегающие к нему скверы. Было бы лучше просыпаться и ложиться спать здесь, отсюда ехать на работу? Нет. Место поменяешь, но сам останешься тем же. Но и это не самое страшное. Ведь люди, чертовы люди, никуда не денутся. Что с того, что у них будут другие имена, черты лица, голоса и собаки?

Нет, он все правильно делал. Существовало лишь одно место, достойное затрачиваемых на переезд усилий и способное оправдать возложенные на него надежды. Там его никто не достанет.

Выехав из сектора, Рамон ускорился: Леонард был велик, а ему предстояло все сделать и вернуться, успеть на встречу с ней в укромном уголке города. Да, и еще купить жене распрокутую запеченную рыбу в лавке Жако. Это должно было заткнуть ее на остаток вечера.

По своему обыкновению он заехал в переулок на границе последнего квартала Гранд-Леонарда и буферной зоны между метрополией и провинциями. «Клементину» оставил на пустынной парковке между двумя складами, хотя до «места» оставалось еще около километра. Но иначе никак. Периферик был огорожен и закрыт для въезда. Там и пешеходов не особо жаловали, пуская, разве что, редкие экскурсионные группы за взятку от гида. Так что пробраться на территорию не представлялось возможным. Но это если внаглую идти непосредственно к воротам и посту охраны при них. А Рамон давно разведдал другой путь. Вряд ли кто-то вообще знал о его существовании или счел бы эту информацию сколько-нибудь ценной – тем лучше. Никто не мешал Рамону работать там над декором своего будущего.

Протиснувшись боком меж двух кирпичных стен, он сделал восемнадцать приставных шагов и оказался на заднем дворе заброшенных складов, где привычный холодный прием оказалась безобразная ржавая груда металла. За ней края бетонной площадки крошились под напором травы, и гостя по-прежнему встречала стена в два человеческих роста – граница города. Облупившаяся табличка сообщала: «Экспериментальный сектор Периферик. Проникновение на территорию карается арестом или штрафом». Такие таблички, как обнаружил Рамон, висели по всему периметру через каждые полкилометра. Что ж, может, прежде любопытных и было больше, а теперь вряд ли кому-то было дело до давно брошенного детища выдающихся умов.

Чуть далее – в низине, переходящей в глубокую канаву, – под стеной буйствовали заросли ядовито-зеленой листвы. Лишь продравшись сквозь них и внимательно посмотрев под ноги, можно было обнаружить решетку канализации. Рамон привычным усилием вытащил ее из пазов, использовал давно установленную примитивную лебедку, чтобы аккуратно спустить груз, затем прыгнул сам, предварительно обув высокие рыбацкие сапоги.

Со стороны города в лицо ударил тухлый ветер с капельками воды. В этой части коллектора она могла доходить до колена в дождливые периоды. Но сейчас поднялась лишь до сере-

⁴ Сектор или гиперрайон – крупнейшая административно-территориальная единица Гранд-Леонарда, «город в городе».

дины голенища. Хорошо, значит, поток не должен был гнать так уж сильно вперед, риск потерять равновесие и упасть – минимальный. Сейчас мало кто помнил, что на месте окраинных складских зон текла небольшая, полувывсохшая река: судя по длине сталактитов, замуровали ее в коллектор несколько десятилетий назад, когда район только начинал застраиваться. Определенно, в таком статусе толку от нее больше.

Вот справа проплыла лестница, исчезающая в темноте сводчатого потолка. У самой поверхности – под люком, который давно никто не открывал, – свесив мохнатые тельца, спали летучие мыши. Впрочем, Рамона они не беспокоили: прямо над ними был центральный въезд в Периферик, так что, вылезти он здесь, наверняка сразу получил бы по голове. Пожалуй, кроме беглых преступников «место» вряд бы кто-то нашел стоящим. Ну, еще тех, кто не видит альтернативу и готов ухватиться за любую предложенную возможность. К последним Рамон относил и себя: когда ты в отчаянии, даже канализация приобретает очарование. Однако и дураку понятно, что она куда-то да ведет. К счастью, за все разы, что он проделывал этот маршрут, мужчина не встретил никого ни внизу, ни наверху – в «месте». И каждый раз уединенность забытых всеми пространств согревала его лучше, чем кружка какао у камина.

Туннель начал неспешно изгибаться вправо, и темнота, будто испуганный светом фонарика зверек, пятилась, стремилась скрыться за поворотом. Одновременно в правой стене обозначился выступ на уровне груди, который с каждым шагом утолщался, пока, наконец, не превратился в платформу с ограждением, достаточно широкую, чтобы на ней могли разойтись два человека. Вскоре показалась и лестница, спускавшаяся с платформы в воду. На этот раз Рамон взобрался по ней с немалым усилием: после всего пути ноша оказалась тяжелее, чем думалось в начале, перед спуском. Порядка тридцати метров вперед по платформе – и в глубокой нише показалась знакомая металлическая дверь. За ней таились бесконечные хитросплетения коридоров, лестниц и помещений, которые все вместе составляли технический уровень сектора. Целый подземный город из двух ярусов: верхний, пешеходный, с подвалами и кладовыми под каждым зданием, а также сеть коммуникаций и нижний, куда поместили очистные сооружения и туннели, имевшие транспортно-логистическое назначение. Автомобильную и железнодорожную артерии провели сюда из Леонарда с тем, чтобы перевозить как грузы, так и людей. Все вместе они составляли исполинскую магистраль. Рамон сперва обрадовался, понадеявшись использовать ее – это могло бы сэкономить и время, и силы – но все выходы на поверхность в черте города оказались либо залиты бетоном, либо надежно заперты.

От главной подземной магистрали, тянувшейся на несколько километров, словно ветви от ствола громадного дерева, расходились в стороны многочисленные туннели на одну-две полосы или с одним-двумя железнодорожными путями. Каждый из них вел к подземному уровню конкретного строения или группы таковых, где располагались лифты и разного рода хозяйственные помещения. Когда Рамон только попал сюда, он долго блуждал по этим жутковатым, лишенным света и тепла лабиринтам, поражаясь масштабам и силясь понять задумку тех, кто все это проектировал. Был ли резон прорывать столько ходов, напичкивать их сотнями тысяч тонн бетона и металла только лишь затем, чтобы убрать под землю дороги и трубы с проводами? Более десяти часов было потрачено им в первые два визита в надежде найти выход на поверхность. Дверей обнаруживалось множество, куда бы он ни сунулся, но вот беда: одни строители запечатали намертво, другие вели туда, откуда его могла заметить охрана, не просто так занимавшая свой пост до сих пор (уж точно не ради тех зданий наверху, которые в массе своей были построены на восемьдесят-девяносто процентов!). Должно быть что-то еще...

Впрочем, Рамона больше интересовали именно здания. Те из них, что все-таки успели закончить перед заморозкой полусекретного проекта «Периферик». Таковых, как он выяснил позже, было всего два: первое – сорокауровневая башня в самом центре главной улицы. Взломать дверь в нее не представлялось возможным. Второе здание – учебный корпус императорского пансиона в дальней части сектора. И вот тут-то Рамону повезло! Пожарный выход его

технического уровня оставили незапертым – забыли или же кто-то когда-то умудрился взломать. Помимо идеального местоположения трехуровневый корпус мог похвастаться наличием до сих пор исправно поступавшей воды, пусть и только холодной. Света не было: электростанция Периферик так и не была достроена, а кабели, протянутые из Леонарда, предназначались лишь для освещения подземного уровня. Проблему могли решить солнечные панели, но их придумали уже после того, как экспериментальный сектор был брошен на пожирание временем. С этим недостатком мужчина смирился, пусть даже он немного усложнял пребывание здесь. Ненависть к старой жизни была сильнее. Да и чем плохи вечера при мягком свете свечи?

Помещения с внутренней черновой отделкой оказались слишком большими и неудобными для обустройства жилья, но, поднявшись на третий уровень, Рамон обнаружил над ним четвертый, технический. Точнее, это была цилиндрическая надстройка площадью около семидесяти метров, где прозябали без дела выход на крышу и короб вентиляционной системы, да ржавел в абсолютной тишине подъемный механизм лифта. В самом центре потолок подпирала массивная бетонная колонна. Стены одели в шубу из толстых, рыхлых на вид плит утеплителя. Под самым потолком уровень опоясывала непрерывная лента узких окон – ту ее часть, что выходила на центр сектора и, соответственно, главный въезд, он заложил кирпичом, чтобы иметь возможность зажигать свет, не опасаясь быть замеченным. О, да, это усовершенствование обошлось в семь ходок, ведь материала на себе за раз много не дотащишь!

Но все могло сложиться куда хуже: не пришлось возить все добро из Леонарда и носить по крупицами через коллектор, потому как Рамон обнаружил складское помещение на техническом уровне пансиона, где помимо кое-каких стройматериалов давно ушедшие рабочие оставили компактный генератор – расточительство или глупость, которая была ему очень на руку. Вопрос с электричеством, таким образом, решился быстро и легко. Затем у Рамона возникло жгучее желание натаскать еще кирпичей и цемента, чтобы разделить помещение хотя бы на две комнаты. Но посчитав, сколько раз ему пришлось бы курсировать между Леонардом и пансионом, чтобы накопить достаточно стройматериалов, он был вынужден признать свою идею в крайней степени неразумной. А вот система перегородок помогла поделить чердак на множество небольших зон. Вполне себе комнаты в апартаментах. И не беда, что стены всего лишь из фанеры.

Обидно, что не удалось реализовать все задумки, ведь только оказавшись среди пыльного покоя чердака, он стал очень живо представлять свои будни здесь. Причем, не в одиночестве, а *сней*. Это могла быть абсолютно спокойная, счастливая жизнь вдали от всех и всего. И разве не стоила она того, чтобы все это делать, чтобы забраться в столь необычное для постоянного проживания место? Конечно, стоила! И пусть бы многие сказали, что он выжил из ума, и что все, что он видел, было лишь проблеском ложной надежды – он решил, чего хочет. А сомнения только гробили нервы и драгоценные годы. Никого не слушать. Все равно никто из окружающих не в состоянии войти в положение. Они не хотели ему счастья, а значит, все их доводы вырастали из сухого, как песок, равнодушия и не были достойны его внимания. Да и не они ли все вечно упрекали, что Рамон не умел самостоятельно принимать решения? Вот пусть теперь подавятся своими словами!

Со вздохом облегчения сбросив с плеч мешок и сумку, Рамон подошел к окну и встал на носочки, чтобы лучше видеть. Это был его любимый вид: слева – бескрайние поля и железнодорожные пути, лучами расходившиеся от Леонарда в сторону провинций. Справа – пестрый массив западной половины самого Леонарда. Вон грязный, бордовый Верхний Леонард со своими заводами, а чуть далее – Нижний, его сверкающие в лучах вечернего солнца башни. За Нижним – юный Хавьер. Даже краешек роскошного Филдз виден. Город издали прекрасен. Куда более прекрасен, чем когда глядишь на него изнутри. Пусть там и остается, со своим нестихающим гулом и непрерывным движением.

Однако и ему, и ей предстояло еще все спланировать, сбежать так, чтобы прошлое не настигло. У Рамона была только жена, а вот у нее, помимо супруга, – сын и отец-инвалид. На все ли сто процентов она готова оставить их, без надежды однажды вернуться? Двигая самодельную кровать, ставя ее то изголовьем к стене, то боком, он все гадал, насколько ей здесь понравится и как бы она устроила скудный быт среди труб и голого бетона. Может, хотя бы колонну покрасить? А кухонный уголок? Явно не хватает рабочих поверхностей. И предстоит принести посуду... Полноценную плиту ему не доставить – что ж, будут пользоваться походной. И топлива для дизель-генератора надо закупить побольше – на сооруженных стеллажах места еще полно. Сколько всего, сколько всего!.. Ну и ладно. Это по-своему приятные хлопоты. Оставаясь стабильно занятым, Рамон защищался от тревожных мыслей и пессимистичных прогнозов. Хуже в новой реальности стать не могло, а вот шанс на изменения к лучшему был солидный.

Отчего так зябко в разгар лета? Элинор шла по невыносимо гудящей улице, спрятав руки в карманы легкой куртки. Может, дело не в рекордно низкой температуре, а во встречных взглядах прохожих? Никого из них она не знала и, скорее всего, никогда бы больше не встретила. Им не было дела до нее, а ей – до них. Но, даже осознавая это, женщина чувствовала омерзение от того, что одни ее видели, а другие дышали в спину; что ей, вырвавшейся на волю после семи часов плохо оплачиваемого мучения, приходилось продирается сквозь этот строй. Мало того, что нельзя добраться из пункта «А» в пункт «Б» круглыми путями, где не было ни души! Так еще и в пункте «Б» не ждало ничего хорошего. Все, что она имела – это маленькая остановка в убежище понимания и утешения. А до нее еще предстояло немножко потерпеть нервные оклики клаксонов, визг тормозов и стук каблук.

Завернув за угол, женщина почувствовала себя лучше: в узком переулке темно и почти пустынно. Сюда выходили служебные входы лавок и кофеен, и задние – четырехуровневых резиденций. Двое жильцов выгружали из машины пакеты с продуктами, а чуть дальше, на другой стороне, кто-то выбрасывал мусор в контейнер. Даже ветер присмирел, будто поняв, что его лихие кульбиты тут не уместны. Элинор ускорила шаг. Переулок-портал в островок покоя закончился аллеей, по которой прохаживалась пара стариков; бездомный, развалившись на лавке, слизывал с обертки остатки соуса. Более никого.

Вдоль парапета с фонарями-шарами к лестнице, вниз по ступеням. Уличный шум и толпы рабочего люда, спешащего по домам, остались метрах в трехстах за спиной: впереди уже показывались нависшие над дорожкой ветви ив. Пройти еще немного – и станет виден пруд, а за ним – запущенного вида оранжерея и укрытая зарослями лещины⁵ древняя каменная стена, чьи крошившиеся зубцы, споря со временем, все еще возвышались над обрывом холма.

Подходя к пруду, Элинор почувствовала, как по телу разлилось сладкое тепло: на фоне мерцающего городского неба обозначился знакомый силуэт. Нетерпеливо преодолев эти тридцать шагов, разделявшие их, она уткнулась носом ему в грудь.

– Рамон...

– Элинор...

Они стояли так примерно минуту. Потом женщина начала всхлипывать. Рамон, чуть отстранившись, нежно поднял ее подбородок: две слезы змеились по впалым щекам.

– Ну, что ты, не надо. Все будет...

– Не будет, – перебила Элинор дрожащим голосом и крепче прижалась к нему. – Это никогда не закончится. Нас не оставят в покое!

⁵ Лещина – род кустарников семейства Березовые

– Не оставят, если мы не уберемся туда, где нас не смогут найти. Тебе же теперь... легче, – смущенно пробормотал Рамон, глядя ее по голове, поправляя волосы.

Элинор, не глядя на него, кивнула. Конечно, недавняя смерть матери печалила, но, с другой стороны, с ее уходом исчезали оковы. Мать одна в этой семье ее любила и нуждалась в ней, а теперь...

– Я не видела сына две недели. Он пропадает непонятно где, а когда я пытаюсь с ним поговорить... Я ему не нужна, Рамон, он меня ненавидит. Как давно я его потеряла? Неужели дети уже в раннем возрасте понимают, что мать их не хотела?

На это нужно было что-то ответить. Непростая тема для обсуждения, учитывая, что своих детей у Рамона никогда не было.

– А может, это твой муж его настраивал последние годы?

Она вздохнула, смахнув еще одну слезинку:

– Он им не занимается. Деньги сует, да, но не занимается, как нормальный отец должен заниматься своим ребенком. Конечно, куда ему! Бабы отнимают все время и силы, – Элинор скривилась, и Рамон подумал, что его собственная жена наверняка кому-то жаловалась на него. Конечно, по другому поводу, но с таким же токсично-ненавидящим выражением лица.

– Представляешь, мы уже четыре года спим в разных постелях. И самое страшное – оба считаем это нормой. А я на самом деле рада, что всё так происходит. Противно даже сидеть с ним за одним столом. Мразь, сволочь, равнодушное животное!

– Ну, будет-будет. Понимаю тебя. Я с Магдой тоже сплю отдельно, – Рамон обнял ее еще крепче. – Она так и не простила мне....

– Плевать на эту дуру! Ей это, может, и было важно, а мне – нет, ты же знаешь. Я – не она. Я ненавижу детей, мой милый.

– И я. Сколько проблем они нам создали.

Да, Рамон и правда так считал. Сын Элинор сломал ей жизнь своим появлением на свет. А ребенок, которого хотела Магда и которого он не мог подарить ей, сломал жизнь ему. Люди, с которыми они однажды решили связать судьбы, оказались не теми, кем виделись через флёр далекой, будто из прошлой жизни, романтической эйфории.

– Мне проще. Я не буду колебаться, я брошу ее с большой радостью. А ты? Что ты намерена делать с отцом?

Элинор до сих пор малость сомневалась, стоило ли озвучивать решение Рамону. Но почему, собственно, нет? Уж кто, а он должен ее понять. Он имел право знать ее план.

– Я все устрою. Давно придумала и примирилась с таким вариантом. В следующем месяце меня отправляют как филомену-делегата на ежегодный съезд Ордена. Куда я, по понятным причинам, не собираюсь ехать.

– Тогда ты и предлагаешь нам устроить наш побег, – догадался Рамон.

– Именно. Съезд длится два дня. Когда муж спохватится, мы будем уже вне досягаемости. Ведь будем, да? – она посмотрела Рамону в глаза с горячей надеждой.

– Да, конечно. Нам и полдня хватит, родная моя. Я все продумал.

– Ты так и не скажешь мне, куда именно мы бежим? – взгляд Элинор заставил его колебаться, но боязнь, что, узнав правду, она придет в ужас и откажется бежать, заставила снова дать уклончивый ответ.

– Совсем недалеко. Это уникальное место. Там нас точно никто не найдет.

– Хорошо... Так вот. Мужу на меня наплевать. Он если и обратится в полицию, то только дней через пять после моего отъезда.

– Ну, а с отцом-то как?

Еще более тяжелый вздох выполз из ее опустившейся груди.

– Я договорилась со старшей сестрой в приюте. Они возьмут отца. Мне было непросто ее уговорить. Ей непонятно, почему в семье, где три вполне дееспособных человека, вдруг

некому ухаживать за больным стариком. А Орден ведь обычно принимает к себе постояльцев, у которых вообще никого нет... Но Мария хорошо ко мне относится. Кроме того, я же сама филомена, отдала много лет своей жизни, ухаживая за чужими людьми, а теперь прошу сестер сделать то же для моего родственника. В общем, для меня будет исключение. В конце концов, сколько ему осталось? Год-два-три? Он быстро сдает в последнее время.

– Но филомен ты, конечно, не ставила в известность о...?

– Рамон, что за глупый вопрос, мой милый! Конечно, нет! Они не ожидают, что я пропаду и не появлюсь на съезде. Но до того времени все будет сделано. Отца заберут через три дня. Я удостоверюсь, что он нормально устроен, поговорю еще раз с Марией... Пусть будет благодарен, что хотя бы туда его определяю, а не бросаю дома с мужем, который его ненавидит еще больше, чем меня, и пальцем ради него не пошевелит. Он мне родной по крови, но не по душе. Отец из него был паршивый.

– Да, я помню все твои рассказы.

– Он заслужил такой финал. И остальные – тоже. Хватит с меня. Я делала все, что от меня хотели, себе в ущерб так долго. Теперь никому ничего не должна. Мы с тобой свободны, милый Рамон. Свободны жить.

– Свободны, – подтвердил Рамон. – Оазис ждет.

Почти во всех окнах пятнадцатипоэтажных резиденций, коих в блоке насчитывалось почти два десятка, горел свет. Впрочем, разный: белый, желтый, синеватый; яркий и тусклый. Он представал во всех обличиях перед глазами Элинора, по мере того как лента электротротуара медленно ползла вперед, приближая ее к входу номер двадцать семь девятой резиденции. Это было второе по длине здание блока, тянувшееся на триста с лишним метров, из-за чего получило прозвище "горизонтальный небоскреб". Улочки здесь задумали исключительно пешеходными и потому узкими; в щель между соседними резиденциями втиснулись две бегущие в противоположные стороны дорожки. К домам прилегли обычные, без признаков жизни тротуары, отделенные электрических барьерами.

Днем гиганты из бетонных блоков прятали от пешеходов синеву неба, нависая сверху депрессивной тенью, а ночью – и без того редкие над городскими крышами звезды и серебро облаков на фоне луны. Элинора чувствовала себя здесь будто на дне узкого, но очень высокого каньона. С ускользающими из него воздухом и светом растворились на фоне бесконечных стен десять лет ее жизни. Именно столько требовалось отработать филомене, чтобы предоставленное Орденем во временное пользование жилье стало ее собственностью.

И вот уже два месяца как выполнены условия контракта. Ордену она более ничего не должна. Обществу – и подавно. Она помогла за это время стольким людям, скольким простой обыватель и за три жизни не смог бы. А вот семья... С ней несколько сложнее.

На входе, похоже, кого-то стошнило – Элинора в последний момент увидела лужу и отшатнулась, чтобы не наступить. Лифт-холл источал привычный запах хлорки: уборочные антерпризы считали, что кроме самых дешевых моющих средств эконом-резиденциям ничего не полагалось. Впрочем, уж лучше терпеть их, чем затхлый табачный дух.

Закрыв за собой решетку, женщина нажала на кнопку с цифрой одиннадцать. Какое-то отморозки выковыряли двенадцатый этаж. Что ж, она давно разобралась, что за контингент проживал в подобных блоках сектора. Таких, как она – кто совестливо жертвовал своим временем и силами, отдавал все и просил минимум, кто никому не портил жизнь – было тут меньшинство. А вот безработных, никчемных и беспомощных проживало великое множество. Зачем они существовали? Они не приносили никакой пользы. И, тем не менее, имели все то же, что и Элинора.

Так чего ради она оставалась другой так долго? Эти люди злы, бедны, несчастны – она тоже. Они жили в самых убогих резиденциях – почему же никто не допускал мысли, что она могла быть достойна лучшей жизни? Рамон сказал все правильно: никто им такую и не даст, если сами не начнут действовать. В другом месте, разорвав все бесплодные связи с пустыней.

На пятом уровне лифт остановился. Зашел пришибленного вида мужчина с глазами, смотрящими в разные стороны. Он улыбнулся, сделав явной нехватку двух верхних зубов, и закивал Элинора.

– А, вы тоже едете. Здрасьте.

– Добрый вечер, – нехотя выдавила Элинора, смотря не на чудного попутчика, а себе под ноги.

– Я – наверх, – поделился он. – А вы на какой?

– Одиннадцатый. Нажмите свою кнопку, пожалуйста, и поедем, – женщина рискнула на секунду поднять глаза. Не такой уж и безобидный: при легкой умственной отсталости можно много чего сделать.

– Какую кнопку нажать?

Улыбка незнакомца была вполне осознанной и неприятной. Он на шаг приблизился, так что косые глаза оказались всего в полуметре. В уголке губ Элинора заметила струйку слюны.

– Никакой. Я выйду здесь, – она боком протиснулась к выходу, одной рукой открывая дверцу, а другую выставив ладонью вперед, чтобы избежать любого контакта.

– А вам не надо наверх? – улыбка слегка поблекла – мужчина соображал. Он шагнул было вперед, но Элинора успела захлопнуть решетку и отпрянула, боясь поворачиваться спиной.

– Нет, нет, я ошиблась. Всего доброго, – лицевые мускулы сопротивлялись, когда она попыталась изобразить улыбку. Говорить стало трудно, будто ядовитое насекомое впрыснуло ей в том лифте парализующий яд. И даже после того, как тревожный попутчик уехал, филомене стоило немалых усилий взять себя в руки. Слишком много брезгливого страха и неприязни сгенерировали в ней за десять лет это замкнутое пространство, где людей едва ли меньше, чем кирпичей в стенах. Дом должен быть для человека спасением, убежищем, которое обволакивает спокойствием и верой в хорошее – Элинора в этом смысле можно было считать бездомной. Дверь, ключ от которой она мусолила в кулаке, скрывала пустоту, куда возвращаться ее обрекали обязательства и еще живое, хоть и на грани коллапса, чувство долга.

Замок опять задал, отвечая на поворот ключа тугими щелчками. Следом – скрип двери. Определенно, назрела необходимость вызвать мастера из сервисной антерпризы.

Непроходимую тьму миниантрэ⁶ разрезала узкая полоса света с кухни. Пару ей составлял запах жареных колбасок. И – как будто этого было недостаточно, чтобы дать ей понять: Франциск уже дома – в разных концах комнатухи валялись, вольно раскинув шнурки, два его ботинка. Элинора переступила тот из них, что лежал прямо перед дверью, и разулась сама. Ничего, пусть разбрасывает. Когда-то она просила его ставить обувь аккуратно, на этажерку, как делала это сама. Затем смирилась и стала молча убирать за ним. А теперь ей наплевать... Пусть делает, что хочет. Недолго осталось ему издеваться над ней. Она перешагнет его, как вонючие, пыльные ботинки, и пойдет спокойно далее, даже не подумав обернуться.

Дверь женщина закрыла аккуратно, но замок предательски щелкнул.

– Элинора... – донесся из дальнего дормитория скрипучий полустон отца. Услышал. При этом звуке она зажмурилась и спрятала лицо в ладонях, словно надеясь таким образом исчезнуть или хотя бы спрятаться. А ведь все равно придется идти для обтирания и прочего... И чтобы еще раз послушать, как он сожалеет, что был ей плохим отцом. Взрастил бы он в себе горькие плоды раскаяния, не находясь в беспомощном состоянии, выдавил бы мольбу о про-

⁶ Антрэ – холл или прихожая апартаментов, частного дома. Миниантрэ характерны для жилья сжатой планировки, прежде всего, многоуровневых эконом-резиденций.

щении? Теперь Элино́р хотелось оставить этот вопрос без ответа. И, выбирая меньшее из двух неудовольствий – то есть, сперва вытерпеть несколько минут в обществе мужа – она зашла в кухню.

– Добрый вечер, – бросила Элино́р, мельком взглянув на массивную фигуру за столом. Франциск соскребал остатки ужина с тарелки и в ответ что-то промычал, не поднимая головы. Молока не осталось, и купить – не купила... Что ж, вода тоже сойдет. Даже в этом пустом доме от жажды не умрешь... Если еще хочешь жить, конечно.

– Диаманд не вернулся?

– Нет. Он пришел ночью на пару часов, а под утро снова убежал.

Элино́р вздохнула:

– Я не видела его четыре дня. И где он пропадает постоянно?

– Да нигде. У него уже своя жизнь, друзья.

– Ему четырнадцать лет! Какая своя жизнь, Франциск? Это ненормально, что он совсем не бывает дома.

– Ну, поговори с ним, раз так думаешь.

– Ты же знаешь, что я пыталась неоднократно, но он... Я не имею на него никакого влияния. Вот к тебе он хоть иногда – да прислушивается.

– Хе, я-то не вижу проблемы, так зачем мне с ним говорить? Он почти взрослый парень. Пусть шишек набивает, учится жизни. Оставь его в покое, и меня тоже.

– Ясно. Твоя позиция все та же, и мне не пробиться сквозь безразличие. Ладно бы оно предназначалось лишь мне, но ты и сына предоставляешь самому себе и улицам! Я только молюсь, чтобы он не влип во что-то серьезное. Ох, что это я, в самом деле. Еще один бессмысленный разговор. Скорее, даже монолог...

– Вот именно, – согласился муж. В короткой паузе голос радиоведущего надрывно прорвался сквозь помехи, едва не заставив Элино́р поморщиться.

– Будь добр, сделай потише. Я смертельно устала за эту смену, – в ее голосе не было ни злобы, ни раздражения – только полная достоинства вежливость. Годы тренировки сделали свое дело, хотя в последнее время ей было все труднее сохранять спокойствие в присутствии Франциска.

– Ну, убавь. У меня руки заняты.

Прежде чем налить себе воды, Элино́р обернулась: этот невыносимый человек неспешно вытирал рот бумажной салфеткой, держа в другой руке нож. Острием кверху. С каменным лицом она прошла к окну, отдернула занавеску и повернула регулятор громкости у стоявшего на подоконнике приемника, сведя хриплые потуги до приглушенного шепота.

– Ты, конечно же, не купил мясо и овощи? – спросила Элино́р, бегло изучив содержимое холодильника.

– Забыл, – пожал плечами, буркнул Франциск и бросил скомканную салфетку в мусорное ведро возле мойки. Вернее, целился туда, но салфетка не долетела и упала на пол, без того уже изобилующий мелким мусором.

– Эх, чутка не хватило! – он с досадой причмокнул и со скрипом отодвинул табуретку, чтобы встать.

– Я поднимусь поужинать к Софии, в таком случае, – сообщила женщина. – А завтра тоже забуду пройтись по магазинам.

– Как хочешь, – бросил Франциск через плечо на выходе с кухни. – Я вообще могу есть на работе, раз на то пошло.

– Свинья! Пародия на мужа! – прошипела Элино́р себе под нос. Теперь, когда он не мог ее видеть, она почувствовала, как ее лицо исказилось в отчаянной злобе. Если бы она не была такой покладистой и верной идиотским, изжившим себя принципам в те времена, когда неведомая сила толкнула ее в объятия этого человека... Вспышка страсти, придуманные на

пустом месте перспективы, яркие краски, которыми она рисовала картины совместного счастья – все это привело ее туда, где она была сейчас. Если бы не проникшее в нее по глупости семя, у нее было бы больше времени разобраться во Франциске, да и в себе тоже. Но, вопреки всему, что творилось в ее душе тогда, Элинор родила... А ведь дети чувствуют, когда их не хотят, не ждут и видят в них только орудие расплаты за ошибки бездумной юности. Неудивительно, что Диаманд ее ненавидел. Даже к этому животному, что приходилось ему отцом, он тяготел куда больше, хотя, что тот сделал для сына за четырнадцать лет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.